

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К61

Художественное оформление серии
С. Власова

В оформлении обложки использованы фотографии:
© Alphonsine Sabine, Vladimirkarp, Pan Xunbin / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Колочкова, Вера.

К61 Из жизни Ксюши Белкиной : роман / Вера
Колочкова. — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с.

ISBN 978-5-04-109784-4

Ксюша Белкина была робким, забитым существом, серой мышкой, готовой услужить всем. Но достаточно случайной встречи, нескольких ласковых слов, как она начинает преображаться. Постепенно из существа без чувства собственного достоинства она превращается в интересную женщину, и ее жизнь совершенно меняется.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-109784-4

© Колочкова В., текст, 2020
© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2020

ИЗ ЖИЗНИ КСЮШИ БЕЛКИНОЙ

Глава 1

— Ура! Наша бабушка вышла замуж! Наконец-то! Какое счастье, мамочка! У-р-р-а-а!

Да, счастье. Самое настоящее, нечаянно на голову свалившееся. Наверное, оно, которое настоящее, так и приходит — неожиданно. Иначе бы и счастьем не было. А еще большее счастье — за ней, за Олькой, сейчас наблюдать. Прыгает себе долговязая юная непосредственность на панцирной сетке кровати, летят белокурые прядки вверх, словно крылья ангельские. Ах, красота неопишуемая...

«Господи, да неужели это я, разнесчастная Ксюша Белкина, такого ангела на свет произвела? — трепетно ворохнулось внутри гордое, нежно-материнское умиление. — Как же таки матушка-природа расщедрилась... Все, что есть

ВЕРА КОЛОЧКОВА

в женской природе красивое, все от нечаянных щедрот Ольке досталось! И ноги от ушей, и тонкость-звонкость девичья, и личико бело-розовое, как у дорогой куклы...»

— Осторожнее, Олька! Убьешься же! И не прыгай на бабушкиной кровати — рассыплется! Тебе же теперь на ней спать...

— Ой, а давай не так, мамочка! Давай я на твоём диване спать буду, а ты — на бабушкиной кровати! А раскладушку мою выбросим, наконец! А то я не помещаюсь на ней давно — ноги свешиваются...

— Ну да, выбросим! Ты что! Сглазим еще...

Да уж, лучше не будить лихо, а подстраховаться с действиями. Пусть эта разнесчастная раскладушка за шкафом стоит... Да и Ольку надо было шугануть с бурными проявлениями радости — наверняка своими воплями успела всех соседей переполошить. Сейчас только выйди — вопросы начнутся...

А выходить все же придется. Куда деваться-то? Есть очень уж хочется, живот подвело! За целый день маковой росинки во рту не было. Надо вставать, надо идти на огромную коммунальную кухню, ставить на плиту кастрюлю с позавчерашним супом... Да и Ольку кормить надо — она ж ни за что сама себе не разогреет, обязательно бу-

Из жизни Ксюши Белкиной

дет ее с работы ждать, принцесса этакая, «белокурая мисс «коммуналка», как говорит сосед Витя, инвалид, прошедший всю свою сознательную жизнь в неудобном старом кресле с большими скрипучими колесами, ближайший ее, Ксюшин, друг и советчик.

Натянув на себя спортивные штаны и старую, застиранную до белесого цвета футболку, она вышла на кухню и громко, от порога, поздоровалась, вежливо улыбаясь всем и сразу. Так и есть, все в сборе... Даже семья Фархутдиновых в полном бабском составе присутствует! Мать, Галия Салимовна, важно восседает на табуретке в ярком, с красными розами на черном фоне фланелевом халате, руководит процессом, а четверо ее дочек-погодок, Асия, Рамзия, Камиля и Айгюль, суетятся вокруг стола, опять стряпают очередное необыкновенное национальное блюдо. «Гарем Абдуллы, — ласково называет их Витя, — Зарема, Джамия, Гюзель, Лейла, Гюльчатая!» Только где тот Абдулла теперь гуляет — никто и не знает толком! Галия Салимовна таких разговоров не любит, пресекает их на корню. И Витина мать, Антонина Александровна, с уже влажными осоловелыми глазами стоит у плиты, изо всех сил стараясь держаться прямо, помешивает что-то в кастрюльке, улыбается блаженно. На-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

до же! Как говорится, еще не вечер, а она — уже! Успела бы хоть до готовности довести свое вариво... И бабушка Васильевна тут же суетится, жарит свои вкуснющие оладушки для Лехи, сына своего непутевого, забияки и драчуна — рецидивиста пожизненного, недавно вышедшего в очередной раз на свободу и устроившего по этому случаю пьяный недельный разгул. Пока Леха гулял, все они нос боялись высунуть из своих комнат: на цыпочках в туалет пробегали да на сухом пайке сидели. А что делать? Не в милицию же бежать! Во-первых, толку никакого, во-вторых, бабушку Васильевну жалко всем до смерти — любит она его, а в-третьих, они столько лет уже Леху знают! Вот закончится у него «помрачение», как бабушка Васильевна говорит, и будет он тише воды ниже травы какое-то время, и просить прощения виновато будет, и в помощи какой-никакой не откажет... Вот кто из них, например, может Витину коляску с лестницы вниз во двор спустить, а потом и Витю туда на руках перенести? Да никто! А Леха — пожалуйста! Витя-то — человек верующий, ему в церковь попасть — проблема целая... Надо, кстати, свозить его туда в воскресенье — вроде не очень холодно на улице. Ловить быстрее момент, пока Леха в виноватых ходит. Хотя — стоп, не может она в воскре-

Из жизни Ксюши Белкиной

сенье. Важное мероприятие назначено — забыла совсем...

Она молча прошла к своему холодильнику, достала кастрюлю с супом, поставила на огонь. Чувствуя за спиной любопытные взгляды, улыбнулась беззлобно. Это даже и хорошо, что все в сборе! Можно провести раз и навсегда одну общую пресс-конференцию. Только Вити и не хватает! Сидит, наверное, в комнате, в книжку уткнувшись. Одна радость у парня осталась — книжки читать, которые она же ему и приносит. Специально для него в библиотеку записалась — покупать-то их особо не на что... У него теперь даже и телевизора в комнате нет — продала его недавно Антонина Александровна, совсем за бесценок. Выпить ей не на что было...

— Ну что, Ксюш, как мать-то? — задала, наконец, волнуящий всех вопрос Галя Салимовна. — Хорошего мужика себе нашла?

— Я не знаю, вроде как не знакомилась еще... — виновато улыбнулась Ксюша, развернувшись к ней от плиты. — Она нас с Олькой в воскресенье туда на обед пригласила, вот и познакомимся...

— А говорят, он бывший военный какой-то! — повернулась к ней Антонина Александровна, слегка покачнувшись. — Генерал, поди, какой...

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Военный — это хорошо бы... — тихо пода-
ла голос бабушка Васильевна. — Военные — они
все непьющие...

— Ой, да где вы нынче непьющих видели?
Не смешите! Сейчас все пьющие! — хрипло рас-
смеялась ей в ответ Антонина Александровна. —
Скажете тоже...

— Ну, будем думать, хоть на этот раз бабе по-
везет! Пристроится, наконец! — громко вынес-
ла общее резюме Галя Салимовна. — Да и тебя,
Ксюш, гонять перестанет да зло свое за Ольку
срывать! Тоже мне, нашла виноватую! Шестнад-
цать лет прошло, а она никак успокоиться не мо-
жет... Подумаешь, беда — девка в подоле принес-
ла! В моем подоле вон четверо уже уместились,
и ничего! Живу, сама себе радуюсь...

Она только и смогла — улыбнуться ей бла-
годарно. И тут же отвернулась к плите, с пре-
увеличенным вниманием заглянула в кастрюлю
с супом, чувствуя, как загорели стыдливым ру-
мянцем щеки. Как же, не виноватая она... Ко-
нечно, виноватая! Еще как — виноватая... При-
нести в подоле внучку молодым родителям
в шестнадцать лет, будучи ученицей девятого
класса, это вам не каждая сможет... Что и ста-
ло последней каплей, упавшей в чашу роди-
тельских распрей по поводу так и не сбывших-

Из жизни Ксюши Белкиной

ся многолетних мечтаний о собственной кооперативной квартире, на которую они копили с ее, Ксюшиного, рождения...

Громоздкого этого слова — кооператив — она боялась ужасно и благоговела перед ним с того самого времени, как начала себя помнить. Оно было похоже на волшебного страшного зверя, или, того хуже, на Карабаса-Барабаса, который не позволял, помнится, ничего, никаких простых радостей, имеющихся с избытком у других детей. Как ей объясняли мама с папой — нельзя! Надо просто потерпеть! Вот купим кооператив — и все будет... Игрушки будут, красивые платьица с оборочками, как у других девочек... И когда ходила в садик — надо было потерпеть, и в школу — тоже потерпеть... Она и терпела. Да все бы ничего, только стыдно было, ужасно иногда стыдно!

— Белкина, скажи своим родителям — пусть тебе новую форму срочно купят! Ты что, сама не чувствуешь, что давно из нее выросла? Стыд смотреть на такой откровенный стриптиз! — отведя на перемене в сторону, выговаривала ей Екатерина Львовна, классная руководительница, для которой какой-то начитанный умник придумал прозвище Леди Макбет, и оно так и приклеилось к ней навечно, хотя никто толком и не знал почему...

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Я скажу, конечно! Я попрошу маму... — лепетала Ксюша, оттягивая стыдливо вниз подол школьного платья, — извините меня, пожалуйста...

Вообще-то Екатерину Львовну она любила. И уроки литературы ее любила, и сочинения писала лучше всех в классе. Особенно по Пушкину... Только у доски отвечала плохо — стеснялась. Будто ступор на нее напал — язык немел, во рту пересыхало, мысли путались, руки в одну минуту становились мокрыми, дрожать начинали. Благо что и не вызывала ее практически Леди Макбет к доске — жалела, наверное. Потом, когда ее из школы с позором за беременность выгоняли, плакала даже, говорила, чтоб она обязательно в вечернюю школу пошла — способности у нее якобы исключительно замечательные и память цепкая... Да куда там — жизнь по-своему ею распорядилась, несмотря на способности с цепкой памятью, вместе взятые.

— Ты ведь поэтому и стесняешься, и чувствуешь себя скованно, Ксюш! Жалко же, головка-то у тебя светлая! Неужели твоя мама этого не понимает?! — все жужжала и жужжала ей в ухо на перемене Леди Макбет.

Ну как, как она могла ей объяснить про этот проклятый кооператив?! Про то, как он через родителей забрал у нее практически все — игруш-

Из жизни Ксюши Белкиной

ки, наряды, детство с юностью, и ничего, кроме робких мечтаний о будущем, не оставил? «Вот купим квартиру и оденем тебя, как куколку... Вот накопим денег на кооператив — и поедем сразу всей семьей на море... Вот накопим... Вот купим...» — и так до бесконечности! Одержимые мыслью выбраться из коммунальной ворованной слободки, родители экономили на всем, доводя порой эту экономию до абсурда: заранее планировали и минимизировали до самого что ни на есть критического состояния свои расходы, стараясь как можно больше отложить от скромных зарплат рядового инженера и приемщицы химчистки, готовили «вкусные и очень дешевые» блюда, в основном из круп, макарон да морковки с капустой, перелицовывали одежду и убеждали себя и всех, что она выглядит при этом «ну совершенно, совершенно как новая!» Они потом и сами не заметили, как постепенно увлеклись процессом — начали экономить шизофренически, с жестокой и страстной выдумкой... Словосочетание «обмануть и не купить» стало в их семье обиходным, то есть синонимом житейского ума, хитрости и ловкости и даже некоторого довольства собой.

«Дочь, да ты в этой форме еще один школьный год обманешь! — радостно восклицала ма-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

ма в преддверии первого сентября, когда все дети и родители стройными рядами шествовали на школьные базары и покупали все новенькое, с иголки. — И на колготках я тебя научу петли поднимать, и из сапог можно стельки вытащить — они на размер больше станут! Глядишь, еще одну зиму в них обманешь!»

Вот пойдешь им после этого да и расскажи, как Леди Макбет на них ругается...

И все же — не случилось мечты, кооператив родители так и не потянули. А что делать? Говорят, знал бы, где упадешь — соломки бы подстелил... Наступил тот самый девяносто первый год, в стране победила демократия, и все пошло кувырком! Отец с отчаяния уволился из своего НИИ и подался в челноки, пытаясь хоть как-то спасти положение, да где там... Только хуже все вышло — охмурила его быстренько новоявленная партнерша по бизнесу Валентина с готовым кооперативом, в котором как раз только хорошего непьющего мужика и не хватало! Уходить он, однако, еще полгода не решался — на две семьи жил. И в этот-то самый роковой для семьи момент и случилось с Ксюшей то, что случилось...

Ее взяли да позвали на вечеринку! Никогда никто не звал, а тут вдруг соседка по парте — Наташка Николаева — повернулась к ней

Из жизни Ксюши Белкиной

и говорит: «Приходи, Белкина, сегодня ко мне на день рождения! Я весь класс позвала — и ты давай приходи, чего уж там...» Ну, она и заявила туда, конечно, напялив свой единственный выходной наряд — черную трикотажную юбку, короткую совсем, да белую синтетическую кофточку с дырчатыми кружевами. Отцу спасибо — на рынке по дешевке у китайцев купил, а то бы и этого не было! А может, лучше бы и не было... Может, она б тогда и не решилась пойти на этот Наташкин день рождения?

Да разве в тот момент она об этом думала? Летела туда чуть не на крыльях — надо же, и ее, наконец, своей признали... А уж когда Денис Караваев танцевать вдруг пригласил, она совсем от счастья обалдела! Ничего не видела, не чувствовала ни сильного, идущего от своего кавалера запаха спиртного, ни жаркого сопения в ухо, ни потных его ладоней... Сам, сам Денис Караваев пошел провожать ее домой! Еще и на виду у всех! Да из чувства благодарности за это можно же все стерпеть — и неудобную скамейку в парке, больно врезающуюся неровными досками в спину, и мгновенную острую боль, пронзившую все тело... Да ладно, она потерпит, подумаешь... Он же сам, сам пошел ее провожать! Ее, всегда плохо одетую, презираемую всеми не-